

ЯГАНОВО

МОСКОВСКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

Сивухов – Кобылов

**ПОХОЖДЕНИЯ
ПЕТРОВИЧА
И МНОГО ЧЕГО ДРУГОЕ...**

Игорь Валентинович Гамазин
ПОХОЖДЕНИЯ ПЕТРОВИЧА
и много чего другое...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23143009

Аннотация

Это сборник рассказов о Петровиче – мужчине, который, как мне кажется, в полном расцвете лет и сил. Сможете побывать с ним и на Земле, и в Космосе. Поборетесь с Чужими. Побываете в практически безвыходных ситуациях, но обязательно одержите победу. Вас ждёт много шуток и фантастики. Желаю приятно провести время!

ПОХОЖДЕНИЯ ПЕТРОВИЧА И МНОГО ЧЕГО ДРУГОЕ...

Нерлин-Гамазин Сивухов-Кобылов по жизни такой же, как и Петрович, непоседа и неисправимый романтик.

ПЕТРОВИЧ И ЗИМА

Зимой Петрович любит ходить на лыжах и купаться в полынье. Но ленится, и не делает этого. Зимой Петрович не любит лежать на диване и смотреть телевизор. Но почему-то делает это.

Зиме это надоело, и она говорит Петровичу:

– Петрович! Ты постепенно деградируешь! Вставай с дивана и сделай что-нибудь полезное.

– А? Что?! – Петрович сделал вид, что не расслышал, и вышел на кухню покурить.

«Ещё всякие жить учить меня будут!» – подумал он про себя, зло тыкая окурком в пепельницу.

Посидел немного. Подумал. А потом поехал в Москву поступать в коммунистическую партию.

Приехал в Москву и сразу пошёл к Зюганову. А тот ему и говорит:

– Зачем ты нам нужен, Петрович?! Нам молодёжь нужна, а не старые огрызки. Ты старый лентяй и лежишь всё время на диване перед телевизором, а коммунистическая молодёжь сейчас, между прочим, снег лопатами забесплатно чистит и помогает бабушкам скользкую дорогу переходить.

– Если бабушки вступают на скользкую дорогу, – ответил

Петрович, – то это их суверенное право! Оне для этого приспособлены, из них даже песочек на дорогу сыпется. Если табун бабушек прогнать по заснеженной дороге, то потом по ней любая тачка проедет.

– Не похож ты на коммуниста, Петрович! – Сказал Зюганов. – Скорее всего ты демократ, а может быть даже либерал-демократ.

И засмеялся. Однако что-то записал в своём компьютере. Пошёл тогда Петрович к Жириновскому.

– Я мыл свои пляжные тапочки в Индийском океане! – Начал он разговор прямо от двери кабинета Владимира Вольфовича. – Я вам подхожу!

– Не подходишь, Петрович! – Ответил Жириновский. – Ты сначала пошёл к Зюганову! Засветился ты, Петрович! А политические проститутки нам не нужны!

«К «МедведЯм» значит тоже соваться бесполезняк». – Горестно подумал Петрович. – «Никому я не нужен на всём белом свете!»

И решил он тогда создать свою собственную партию – «Зачётно-иррациональную мужскую анархию» (сокращённо – «Зима»). И создал.

На балконе своём вывесил транспарант «партия ЗИМА! Больше ЗИМЫ – больше чистого снега!» И на окнах тоже написал. И на заднем стекле своего «Жигулёнка» написал.

Следующим вечером заявился участковый и запросил у Петровича «откат». «Отката» пока не было, поэтому пред-

ставитель власти согласился немного подождать.

Вторым вечером заявился депутат и тоже попросил «откат».

– Так ты, стало быть, зелёный, Петрович? – Спросил он.

– Нет, я белый. – Ответил тот.

– Белые в городе! – Заржал депутат. – Ну ничего, сейчас это модно! – И дружески похлопал Петровича по плечу.

Он тоже согласился немного «отката» подождать.

Третьим вечером к Петровичу неожиданно вернулась бывшая жена.

– Забудем плохое, Петрович! – Вкрадчивым голосом заговорила она. – Всё равно я люблю тебя дурака!

«ЗИМА пошла каким-то не тем боком!» – Подумал Петрович, и резко всё бросил...

ТРУБЫ

Когда Петрович перестал каждый день пить, он начал слышать трубы. Не водопроводные и канализационные, а гармонические трубы. Как будто кто-то в соседней квартире держал одну ноту на органе, совсем тихонько, на одном уровне, в одной тинктуре. Иногда добавлялась еще одна труба и звук становился парным. Петрович нот не знал, но, наверное, это главная нота была «фа». А добавлялась иногда «ре».

Поскольку, из-за резких перемен в своей жизни, Петровича начала по ночам доставать бессонница, он против труб ничего не имел. Это вносило некое разнообразие в бытие.

Лежа в кровати, он смотрел в темный побеленный потолок своей комнаты и думал об этом странном звуке, пробовал мыслить здраво. «Почему он раньше его не слышал?»

На Иерихонские трубы это не было похоже. Петрович где-то читал, что те трубы разрушали стены и даже целые города. В его же случае звуки были тихими и мягкими, их было приятно слышать.

Это не могли быть и трубы Последнего Страшного суда. Потому что жизнь продолжалась, и сегодня на лестничной площадке он опять столкнулся с бестолковой соседкой Зиной, которая шарахалась от него, как от огня, всякий раз, когда он возвращался домой нетрезвым.

На третью ночь его осенило! Это же наверное поют фаллопиевы трубы у женщин. Он где-то когда-то читал о них. Вы поймите правильно, Петрович тщательно всё проанализировал, это не могла быть белая горячка. Ведь он же не допился до ручки, а, наоборот, даже стал пить в два раза меньше, чем раньше. Нелогично!

На всякий случай он ещё раз пробомбардировал свои догадки тезами и антитезами, и даже с позиций эмпириокритицизма протестировал... Получалось, что петть более по ночам, кроме как фаллопиевым трубам, было нечему.

«И в самом деле» – Думал он. – «Женщины – существа гармонические! Кому ещё, как не им?»

На следующий день Петрович решился взять быка за рога, и ... пошёл к Зинке якобы за солью, по-соседски. Та впусти-

ла его к себе на кухню, а там сделала круглые глаза и говорит: «Думаешь, я не знаю, что ты ко мне не за солью пришёл, ... а узнать какую ноту издают мои фаллопиевы трубы».

– Да! – Говорит Петрович в ответ. – Грешен!

– Я знаю, – Говорит Зинка. – Что ты ищешь ноту «фа».

Но мои трубы издают ноту «ре». В нашей парадной ни у кого нет «фа». Тебе надо поспрашивать в соседнем подъезде.

После разговора с соседкой Зиной у Петровича всё время было приподнятое настроение, ведь он нашёл ноту «ре», и почти нашёл «фа».

А когда он найдёт и остальные ноты, то, возможно, научится сочинять музыку...

ЧУТЬ НЕ ЗАГРЫЗ...

Петрович вообще-то по жизни больше любил пухляшек, чем стройняшек, но, когда на сайте «Одноклассники-ру» с ним захотела познакомиться худышка Брунгильда, он согласился.

– Ваш немецкий лирический романтизм плодородно ложится на мою русскую благодатную распашистую почву, Брунгильда Сидоровна, как зерно высшего наслаждения. Но зачем же торопиться с любовными утехами? В нашем возрасте неподобающе гореть, как порох, а вполне комфортно тлеть навроде бенгальской свечи. – Говорил ей Петрович.

– Но вы же не знаете, как хорошо вам со мною будет. Я знаю тайский массаж и иглоукалывание, политику и астроно-

мию, культуру и диалектический эмпириокритицизм. – Отвечала ему Брунгильда.

Тогда они начали встречаться. И встречались уже три недели, когда произошло нечто странное. Брунгильда ушла в астрал и не вернулась. Тело ее свежее и живое лежало на диване Петровича в гостиной, но души в нём не было совсем.

Петрович успел привязаться к Брунгильде всей душой, потому что та была невероятно хороша в постели. Каждый вечер они среди подушек по два-три часа занимались «издевательством» над живой природой.

Петровичу ничего не оставалось, как впасть в депрессию и пить таблетки «Акинетон».

Но печаль всё равно не отставала, Брунгильда покинула его в этом сером и скучном мире одного. И решил он тогда обратиться к одному из ясновидцев, засветившемуся в передаче «Битва экстрасенсов».

– Она «заложила» в вас личинку «червяка сомнения», и душа её теперь в нём. – Сказал медиум Стопятьсотов за сто-долларовую бумажку.

– Надеюсь, это правда? – Голосом Штирлица уточнил Петрович, элегантно засунув кисть правой руки за левый борт своего кожаного чёрного плаща.

– Клянусь всеми своими кубками и призами в «Битве экстрасенсов»! Этот червяк преобразует вас в настоящего мужчину. Непьющего, некурящего, хорошо зарабатывающего, сдающего деньги жене пятого и двадцатого.... По окон-

чании инкубационного периода душа Брунгильды вернётся в тело безо всяких инсинуаций.

– Я так и думал. – Ответил Петрович, осторожно вынимая кисть правой руки из-под левого борта своего чёрного кожаного плаща. – Надеюсь, вам не надо напоминать, что мы с вами не знакомы, и никогда не встречались? ...

Придя домой, Петрович расположился в ванной комнате перед зеркалом, достал из тайного места рыболовный рюкзак и разложил перед собой инструмент. Выглядело всё так, словно он собрался бриться. Но он достал из пластмассовой баночки с надписью «Мотыль» специальным пинцетом красного червячка и запустил его себе в ноздрю. Аккуратно собрал инструмент в рюкзак и спрятал под ванну. Пошёл на кухню, дёрнул стакан, прилёг рядом с Брунгильдой на диване и счастливый заснул.

Через час Брунгильда проснулась и сказала:

– Милый! Я так здорово выспалась! И я счастлива, что люблю тебя такого, какой ты есть на самом деле, со всеми твоими недостатками!

– Я тоже счастлив, моя «тыковка»! – Ответил Петрович. – Ведь «черви сомнений» проглотили друг друга без остатка...

КОГДА ВРЕМЯ ПОШЛО ВСПЯТЬ

Когда время пошло вспать, Петрович не рефлексировал. Он был готов к этому. С чистым разумом и упокоенной душой встал в общую очередь в чистилище, потому что знал,

что грехи за ним имеются.

Очередь была бесконечной и нудной, потому что никакие божественные чудеса не могут справиться с таким количеством душ за короткое время. Аж семь миллиардов. Или сколько там. Петрович забыл последнюю цифру, которую слышал.

Неожиданно было еще, что требовались бахилы. И, конечно же, их был дефицит. Во всех аппаратах по пути в чистилище их как корова языком слизнула. Но Петрович стойчески старался ничему не удивляться. Чему быть – того не миновать! Он всегда был законопослушным гражданином.

Не удивился, даже когда появились спекулянты, предлагающие бахилы за «проникновенный взгляд». Что это такое, Петрович не понял, но на всякий случай бахилы купил. Потому что неизвестно еще, обязателен ли этот «проникновенный взгляд», а вот бахилы в чистилище наверняка нужны стопроцентно.

Очередь двигалась чрезвычайно медленно, ноги у Петровича устали, жутко захотелось пить. «Непонятно, почему до сих пор не отключили естественные надобности?» – Думал Петрович раздосадовано. Что-то подсказывало ему, что и здесь, вполне возможно, какой-то бардак.

Поэтому, когда мимо него проходил некий, бледного вида, юноша, он попытался получить хоть какую-нибудь информацию.

– Извините! – сказал юноша. – Я и сам ничего особенно-

го не знаю. Нас подняли по тревоге спозаранку, даже манны некогда было вкусить!

– Мы тут все, конечно, грешники! – ответил Петрович юноше. – Но нельзя же так цинично издеваться над людьми. Надо было все спланировать получше, вам всем не хватает обдуманности действий.

При этих словах юноша застонал и растворился в воздухе. А Петрович продолжил стоять в очереди.

Мысли тоже не отключили. Надо было что-то думать. А что? Петрович вдруг осознал, что все люди стоят в очереди голые. Это же естественно! Кто же в чистилище приходит в одежде?

Он начал разглядывать вблизи стоящих людей и разглядел позади себя, через двух человек, довольно привлекательную блондинку, бывшую, естественно, в чем мать родила.

Петрович о такой всю жизнь мечтал, а тут на вот тебе. Запросто и рядом! Он сразу же предложил ей поменяться местами, типа женщине место получше уступил. Та с радостью согласилась. Они разговорились и подружились. А что еще было делать?

Вы сами понимаете, уважаемый читатель, что бывает, когда обнаженные мужчина и женщина долго находятся рядом друг с другом. Разумеется им дико начинает хотеться грызть яблоко, а где его взять в такой ситуации?

Поэтому Петрович и Мария Евовна (так звали его новую знакомую), сказав вблизи стоящим людям всем до боли из-

вестное «Мы отойдем ненадолго, скажете, что мы здесь стояли пожалуйста», начали прогуливаться в окрестностях, чтобы полюбоваться здешними красотами.

Красот было немного, но местность оказалась довольно холмистой и затемненной, что располагало к дружескому теплому общению.

– Я вас люблю! – Сказала Мария Евовна, притягивая Петровича к своему естеству поближе...

И в этот момент, разумеется, Петрович очнулся у себя дома на своей кровати. Если вы подумали, что это был сон, то ошибаетесь. Петрович тоже сначала так подумал. Но потом он увидел на своей прикроватной тумбочке небольшую такую открыточку с вензелями в виде ангелочков по краям. В ней незатейливо и просто так было написано: «Извините за причиненные неудобства! Спасибо за участие в учебных сборах!»...

ЧЕТЫРЕХБОКАЯ ЖЕНЩИНА ИЗ ИНТЕРНЕТА

Когда у Петровича сломался компьютер, он оказался отрезанным от современного мира. Потому что он доверял только интернету, а теперь тот пропал.

Сами посудите, разве можно вместо интернет-новостей спокойно смотреть телевизор, когда по нему показывают только однобокие новости, однобокие фильмы и однобоких девушек в бикини? Петрович привык брать из интернета хотя бы двубокую, а иногда даже трехбокую информацию,

смотреть фильмы только те, которые хотел сам посмотреть и без рекламы, и видеть нормальных двубоких девушек в бикини.

Надо было срочно что-то предпринимать, иначе могло наступить глубокое отравление однобокими новостями. Поэтому Петрович подключил к интернету телевизор. Да, случайно у него оказался такой плоский огромный смарт-телевизор, на экране которого можно было залезть даже в интернет. На телевизоре только переписываться было неудобно по скайпу и в соцсетях, а новости и фильмы по телевизору шли даже лучше, чем по компьютеру. И даже двубокие девушки в бикини становились в телевизоре трехбокими, хотя в жизни такого за ними не наблюдалось. Петрович глубоко задумался на эту тему. Его замучил вопрос, а бывают ли четырехбокие девушки в бикини?

Тут незаметно подкралась ночь, и на экране Петровичева телевизора появилась реклама алкогольных напитков, резиновых и прокладывающих изделий, а также скабрзные шутки «Камеди-Клуб».

И вдруг диктор сказал с экрана интернет-телевизора:

– Уважаемый Петрович! Мы знаем, что вы интересуетесь четырехбокими девушками. Ведь мы не простое телевидение, а двустороннее интернет-телевидение, и мы прекрасно видим всех, кто нас смотрит через тот же самый телевизор.

Петровича чуть «кондрашка» нехватила. Вроде не пил сегодня ничего. Ну никак не ожидал он такой прыти от ин-

тернет-телевидения.

А диктор продолжал:

– Вы хотели, и мы выполняем! Сейчас к вам в гости придет четырехбокая девушка! Можете ставить чайник и накрывать стол. И на всякий случай припасите резинотехнические изделия. Мало ли чего?!

Петрович остолбенел от ужаса. Быстренько вырубил телевизор, все электроприборы в квартире, телефоны, пробки. Запер входную железную дверь в квартиру на все четыре ключа, потому что ему привиделось, что придет большая четырехбокая женщина и заставит его регулярно ходить на работу, выводить гулять собаку, убирать квартиру мокро и сухо, сидеть за рулем авто, чтобы отвозить ее, четырехбокую женщину, на четырехбокую работу.

И вот раздались четыре страшные удара в дверь.

– Никого нет дома! – Сказал Петрович из-под кровати.

– Это я, четырехбокая женщина! – Сказали из-за двери. – Я пришла к тебе жить со своим четырехбоким псом-бультерьером. Я буду заставлять тебя гулять с ним. И ты будешь работать на четырехбокой работе, катать меня на машине и делать в квартире уборку мокро и сухо!

– Уходи четырехбокая женщина! – Сорвался на фальцет Петрович под кроватью. – Без меня меня женили! Так не полагается! Мы живем в демократической стране.

– Но ты хотя бы посмотри на меня, Петрович, раз уж я к тебе пришла. Будь мужиком! – Попросила из-за двери неве-

домая гостья.

Петрович переборол свой страх и открыл дверь.

А, надо сказать, что Петрович был обыкновенным дву-боким мужчиной, хотя и засматривался по интернету на трехбоких девушек в бикини. Поэтому, когда он открыл дверь четырехбокой девушке, произошло квантовое смещение пространства. И из четырехбокой девушки и двумерного Петровича получилось два абсолютно нормальных трехмерных человека. Стали они вместе жить с любовью и весельем. И Петрович с легкой душой выводил на прогулку бультерьера, убирался в квартире мокро и сухо, и отвозил на машине жену на работу.

Такая вот история!

ВДОХНОВЕНИЕ

– Ты чо, опять?! – Спросила горестно у Петровича жена, выйдя утром на кухню.

Тот сидел на угловом диванчике с бессмысленными глазами и опущенными руками.

– Не опять, а снова, Зин! Пора. – Прохрипел тот в ответ. – Давно в Зону не ходил.

– Насколько?!

– На пару-тройку дней, Зин. Крайняк – неделя.

– Снова будешь чёрт-те чем питаться, похудеешь...

– Ничего Зин! Зато ауру подлечу.

Снарядились быстро. Реквизит нехитрый. Буханка «Боро-

динского», рюкзачок, фляга с водой, батончик «Марс», рыболовный сачок на сома, спички и лопатка. Ничего лишнего. «Чтобы не спугнуть!» : Как говорил Петрович.

При виде поллитровки, бережно укладываемой на дно рюкзачка, жена саркастически хмыкнула.

– Ничего Зин. Ты же знаешь, что это для заряду! – Слегка покраснел Петрович...

«Вот и вы родимые!» – Здоровался он, входя в лес, обращаясь к стволам деревьев. Гладил их руками, приговаривая: – «Снова я к вам в гости пришёл. Не гоните меня прочь пожалуйста. Скоро сам уйду».

Вслушивался в лесные разговоры, узнавал новости, сплетни. Лес ведь живой. Под каждым кусточком что-то лежит или ползает, общение существей не прекращается ни на минуту.

Вот и земляночка. Вырытая когда-то Петровичем. Лёгкая, летняя. Заботливо прикрытая сверху дёрном и мхом. С вентиляционной трубой в старом неприметном пне. Лежбище.

Рассусоливать некогда. Набрал грибов для закуски, черники для чернил, настругал колышков вместо карандашей и ручек, лучинок для света. Нашёл упавший ствол берёзы по свежее и надрал с него бересты.

Измождённый, уже в полной тьме, зажёл лучину над плоской с водой в землянке. «Раздавил» два стакана и закусил поджаренными на спиртовке грибами. Поел брусники.

«Пора! Полночь близко!»

В болотных сапогах и дождевике, с лопаткой и сачком, пошатываясь, вышел в крошечную лесную гукающую тьму. Глаза постепенно привыкали. Хмель помогал видеть во тьме много чего.

Прошёл метров десять и заметил справа под кустом девицу голубого цвета. Голую «ессенно». Как в «Аватаре». Хихикала сидела.

Прошёл мимо Петрович. Ловил он её в позапрошлый раз. Это любовная история, а с ней мороки не оберёшься. «Зинка опять злиться будет и из дома выгонять!»

Слева ствол дерева обвил зелёный змий с вытарашенными глазами. «Это из другой оперы!» – Подумал Петрович и крадучись, почти бесшумно, продолжил движение дальше.

Вокруг всё ползало, дышало, шуршало и хлопало крыльями. «Косяк сегодня пошёл! Свезло мне!» – Отметил он. – «Клюёт!»

И тут увидел его... Пухленького, пупырчатого, зубастенького. Серо-буро-малинового. Такого у него ещё не было...

Первая подсечка не удалась. Зубастик покатился кубарем в кусты, увернувшись от сачка. «Эхх! Про лопату забыл, лопух!» – Ругнулся Петрович и, преодолевая алкогольный дурман, ринулся напролом в чащу вслед за существом.

Опыт – есть опыт. Через десять минут, извалявшись в болотной жиже, ободрав щёку о сучок, Петрович смог слегка приглушить Зубастика лопатой и закатать в свой сачок.

Посадил в землянке в клетку, положил перед ним батон-

чик «Марс», и предложил оставшиеся сто грамм.

«Урр!» – Произнесло чудище, довольно чавкая шоколадным батончиком. Прежде чем дать ему «стопарик», Петрович просунул руку в клетку, и погладил пупырчатого. Теперь, при свете лучины, он мог рассмотреть его получше.

Экземпляр был редкого, нездешнего вида. Наверное залётный, африканских или восточных кровей. Пупырышки были острые, но мягкие на ощупь. Неприязни не возникало. «Сработаемся!» – Подумал Петрович.

Однако этой ночью ничего не пошло. Он много раз брал в руки бересту, макал колышек в чернильницу, тупо смотрел в угол землянки. Слушал верещание раздобревшего с водки зверька, и жёг лучины до тех пор, пока они не кончились.

Настала тьма. Зверёк засопел. Наверное заснул.

Наверху, на уровне земли, слышались тяжёлые шаги. «Медведь!» – Струхнул Петрович.

И правда. Огромная туша, злобно рыча, стояла прямо на хлипкой крыше землянки.

– Медведь за тобой пришёл! – Закричал неожиданно Зубастик из клетки.

– Ах ты гад! – Вздогнул Петрович, лихорадочно сообщая, как заткнуть оказавшееся таким голосистым существо. – Здесь же медведей отродясь никогда не водилось!

– А ты ему об этом расскажи! – Захохотал Зубастик.

Медведь теперь учуял добычу, запрыгал на месте, зарычал и провалился в землянку. Петрович даже в кромешной тьме

увидел клыки, тянущиеся к его горлу...

Открыл глаза. Сквозь щели в крыше проникали солнечные лучи. Сон. Кошмар. Зубастик мирно сопел в клетке.

И тут оно пришло. Вдохновение.

Петрович схватил колышек, обмакнул в чернику и начал лихорадочно малевать на бересте. Та быстро кончилась, и он продолжил писать на досках стены. Потом на полу землянки: «Вдохновение. – Ты чо, опять?! – Спросила горестно у Петровича жена...»

ПЕТРОВИЧ И «НЕУДЕРЖИМЫЕ» КИБОРГИ

– Как у тебя «засрано», Петрович! – Услышал он сквозь хмельной сон любимое словечко, произнесённое знакомым душевным и мягким голосом своего бывшего начальника. «Неужели я забыл вчера выключить телевизор?» – Была его первая мысль.

Башка раскалывалась после вчерашнего, как пережжённый кирпич. Петровича вчерась переехал танк Т-90, не иначе, потому что правой коленки он не чувствовал совсем. Что-то явно было не так.

И у него действительно было грязно в последнее время. Ведь даже не утруждал себя выбрасывать бутылки из углов комнаты, а кухонный стол вонял размазанной селёдкой.

– Ну давай, давай! – Настойчиво продолжил голос, словно вёл свою любимую передачу «Бесогон» на двадцать чет-

вёртом российском телеканале. – Родина снова нуждается в тебе!

Петрович, как Вий, со крипом открыл свои веки руками, и увидел сервировочный столик, заботливо накрытый белой снежной салфеткой.

На салфетке стоял запотевший инеем штоф с белой прозрачной жидкостью. Что-то подсказывало Петровичу, что это была водка.

Рядом со штофом стояли блюдечко с мелко нарезанным лимоном, блюдечко с мелкими солёными огурчиками, и две, хрустальной чистоты, стопочки. За сей великолепной картиной расплылось в улыбке широкое усатое добродушное лицо Никиты Сергеевича Михалкова.

– Что случилось? – Выдавил из себя нечленораздельный хрип Петрович.

– Ну ты давай, давай, прими сначала, поправься. Потом спрашивать будешь.

Михалков разлил жидкость из штофа в две стопочки по самый абрис. «Рука совсем не дрожит». – Подумал Петрович. Держится товарищ генерал.

– Тихо, тихо Петрович! – Всё так же мягко сказал Никита Сергеевич. – О моём звании даже и не думай! Слишком громко ворочаются твои мозги. А, между тем, никто не должен этого знать. Чрезвычайно секретная операция нам с тобой предстоит. Так что теперь мы обыкновенные гражданские лица, и, если «налажаем», Родина от нас откажется все-

непрерывно, дорогой! Я, типа, общеизвестный кинорежиссёр, а ты, Петрович, типа, алкаш беспросветный!

Через полчаса, когда солнце вновь засияло на улице имени Петровича, и когда полштофа были уже пустые (всё же больше наполовину полные, чем наполовину пустые), Никита Сергеевич начал рассказывать.

– Ты знаешь политическую ситуацию, Петрович. В наше время, когда буржуазно-фашистская гидра опять достала свои грязные щупальца из таких же грязных карманов с наворованными капиталами, и душит ими советский, то бишь российский и украинский народ, нам, секретной службе «Неудержимых», надо быть на стрёме!

На Украине полная «жопа»! Южно-Украинская атомная электростанция снабжается нестандартным американским топливом. Урановые стержни там не той системы и размера. Мы хоть и конфликтуем с руководством украинского народа, но аварии допустить ни в коем случае не должны, дабы не произошла очередная экологическая катастрофа на многострадальной Незалежной.

Есть информация, что аварийные ситуации на Южно-Украинской АЭС в последнее время многократно участились. Нужно срочно менять там американские стержни на русские. И ты, Петрович, должен доставить их туда как можно скорее.

– Почему именно я, Никита Сергеевич?

– Есть данные, дорогой, что Обама сильно заинтересован,

чтобы эта авария произошла. И там работают его лучшие агенты, твои старые знакомцы.

– Неужели «Неудержимые» Сталлоне?

– Точно Петрович! Там работает Слай! И только ты можешь его остановить...

Много отдыха Петровичу не дали. «Кот Бегемот», такая подпольная кличка была у Никиты Михалкова в секретном русском отряде «Неудержимых», как всегда сжал время до неузнаваемости. Необходимое оборудование Петровичу пришлось засовывать буквально на ходу. Урановые стержни торчали из карманов выдавших виды джинс, походного бездонного рюкзака, и даже подмышечной тайной кобуры. Костюма Вассермана явно не хватало. Фляжка с «бухлом», курево, жвачка, световой меч, туалетная бумага, дезодорант, ночная ваза. Всё это были чрезвычайно важные вещи, без которых Петрович не мог существовать. Родину Петрович привык спасать с чувством, толком и расстановкой...

Поезд «Москва-Николаев» гудел как встревоженный пожаром улей. Скоро граница, а не всё было готово к досмотру. «Баксы» не засунуты в трусы и лифчики, дорогая электроника не разобрана по винтику и не рассована по разным чемоданам, не допит «лишний» виски и не доедено «лишнее» сало.

Кроме того, топили почему-то, как в аду. Поэтому нередко можно было встретить в коридоре мечущихся полуобна-

жённных гарных дивчин и хлопцев, забывших в суматохе даже собственное имя. Они искали в вагонах ещё неиспользованные для контрабанды люки. Но всё было занято.

Пьяными были все, но некоторые, всё же, пытались соблюсти приличие. Кто-то вроде цыкнул на парочку, решившую заняться под простынёй любовью на второй полке плацкартного вагона. Не ясно, с какой целью он это сделал, выражал недовольство, или просто торопил очередь.

Несколько километров за составом бежала и взбешённо ржала некая голубая кобыла, пытавшаяся укусить своими белыми зубами и розовыми губами что-то торчащее из двери двенадцатого вагона. Кто-то утверждает, что это был голый зад одного Николаевского хлопца, решившего таким образом попрощаться с Россией. Информация не проверена.

По вагонам то и дело проносились толпы подвыпившей молодёжи, устраивающие попеременно в каждом тамбуре танцульки с выкриками «Кто не скачет, тот москаль!» Проводницы с раскрасневшимися лицами как могли спасали поездное имущество от разборки и разорения, но не всегда у них это получалось.

Вакханалия продолжалась почти до самой границы, и достигла своего апогея в тот момент, когда компания нетрезвых мужчин целеустремлённо направилась по направлению к электровозу с целью определения национальной принадлежности оного, и отцепить его, если что, от состава. Разумеется, в том же направлении находился и вагон-ресторан.

Пришлось вмешаться инопланетянам. Тем самым, которые спасли человечество от Чибаркульского метеорита. Они заставили всех успокоиться своим голубым лучом, и люди разошлись спать.

Ко всему этому Петрович не имел абсолютно никакого отношения. Потому что он решил проникнуть в Украину через Крым, и улетел на самолёте в Симферополь.

В самолёте Петровичу посчастливилось познакомиться с одним забавным молодым длинноволосым человеком. Тот представился Арсением, и говорил постоянно не от своего имени, а от «мы».

Петрович славно провёл с ним полётное время, потому что раньше ему такие никогда не попадались.

– Да нет, вы что?! – Умильно убеждал он Петровича. – Ни в какую Европу мы на самом деле не хотим! Это отвлекающий манёвр! На самом деле мы вступим в Халифат «ИГИЛ».

Стюардесса, подкупленная ранее Петровичем, исправно подносила к их креслам новые маленькие бутылочки с коньячком. Время так шло гораздо быстрее и веселее.

– «Нафиг» нам эти немцы с итальяшками, а то хуже – англичанами?! Понаедут всякие гомики, педофилы, толерасты, продыха не будет! А мы своих никак добить не можем. Иммигрантов станет обязательно принимать, многоязычие, демократию вводить, свободы раздавать, границы рушить.

Нетушки, будущее за «ИГИЛом», однозначно! У нас похожий на них менталитет. У них и чистота расы, и свободы

много для мужчин, всё просто и понятно... Ты только никому пока не говори, Петрович, ладно?

Арсений икнул и густо покраснел.

– Сам понимаешь! Вот у меня денег много, а жену могу позволить себе только одну.

Есть, конечно, любовница в Крыму. Я там пару лет когда-то министерство возглавлял. Но это не то! Она меня тоже за «фаберже» держит.

Жёны должны в гареме сидеть, мужа ждать и беспрекословно слушаться. А в Европе и Америке бабы творят, что хотят. Даже развестись нормально невозможно – обдерут как липку.

Арсений обречённо снял с себя длинноволосый парик и надел очки.

– Как это вас угораздило-то, Арсений Петрович, в Крым на Российском самолёте к любовнице летать? – Усмехнулся Петрович.

– Не на малазийском же! – В ответ засмеялся Яценюк. – Сам знаешь, какие наши парни горячие, если не сказать больше. Нажмут случайно не ту кнопку! Вот и приходится, как говорится, инкогнито. Да и границу с Крымом я сам перекрыл...

В этот момент в проходе самолёта и спереди и сзади выросло по двое здоровых «шкафчиков» в деловых чёрных костюмах, но с бантиками.

«Ё-моё!» – Сказал Арсений. – «Сейчас начнётся!»

«Уважаемые пассажиры!» – Выпорхнула из-за спин громил раскрасневшаяся стюардесса. – «А сейчас главная фишка нашего рейса! Проход президента! Ура товарищи!»

Тут же появился Владимир Владимирович и деловито зашагал в сторону хвоста самолёта. Слегка приподняв перед собой руки, он приговаривал: – «Ничего-ничего, товарищи, не вставайте пожалуйста! Работаем!»

Яценюк при приближении Путина стыдливо прикрылся ладошкой, но это ему не помогло.

«Арсений! Опять ты неправильно заполнил иммиграционку?!» – Сказал очень вежливо Владимир Владимирович, притормозив у кресел наших приятелей. – «Последнее моё тебе китайское предупреждение!»

Яценюк продолжал делать вид, что это говорят не с ним.

«Ну ладно! У меня работы много!» – Продолжил президент. – «Передавай всем привет. И здоровье пожалуйста береги!» И двинулся дальше.

При последних словах Арсений икнул и суматошно полез в карман за ингалятором.

– Вот кому я по-настоящему завидую! – Сказал он, придя в себя. – У него всё получается!

– Ну ладно, работаем! – Ответил Петрович, глотая очередную порцию коньячка. – Хотя странно всё-таки. Как он везде так успевает побывать?

– Он вездесущ, Петрович! Не поверишь! Он и в Раде частенько так проходит. Обама бесится, но он и в Белом до-

ме регулярно бывает. И никто с этим ничего не может поделать...

– Тук-тук! Почтальон Печкин! – Ожил вдруг айфон Петровича

– Да, Никита Сергеевич. Я уже в Симферополе. Приступаю к проникновению...

– Не спеши проникать Петрович. Дельце тут одно появилось к тебе по общественной линии из нашего отдела культуры. Заедешь в Коктебель и найдёшь там некоего Мешкова, у которого заберёшь группу товарищей для препровождения в Незалежную.

– А что, они сами не могут?

– Не могут, они «с катушек съехали»! А ты сам знаешь, как сейчас в Украину пускают. «Коньки» на границе отбросить можно.

– Будет сделано товарищ генерал!

Петрович шёл по дикому пляжу Коктебеля и удивлялся. Прямо у воды вдоль крутого гористого склона стояли деревянные виселицы. Он насчитал девяносто девять штук.

Около сотой трудился с рубанком, топором и пилой бородастый, неухоженный мужик с диким выражением глаз.

Поскольку пляж был не муниципальный, нудистский, местное голое население относилось к «виселичному» творчеству весьма доброжелательно. Как к альтернативному искусству.

В петлю на одной из виселиц залезло головами сразу трое обнажённых молодых людей, две девушки и парень. Четвёртый их фотографировал на мыльницу. Девушки потешно высовывали языки и изображали удушение. «Бесстыдство какое!» – Подумал Петрович. Но отметил, про себя, что с этими девушками его тоже неотвратимо потянуло залезть в эту петлю.

– Ну надо же мне где-то было их выгуливать, пока вы не приехали! Понимаете?» – Сверкнув стёклами интеллигентных очков, сказал быстро объявившийся Мешков. – Я подумал, что на натуралистском пляже самый раз.

– Возможно. – Буркнул Петрович. – А что это он у вас виселицы строит?

– Для врагов Украины, говорит.

– А он что, не знает, что Крым уже наш?

– Не верит! Говорит, что это Российская пропаганда.

– Хреновато тут у вас! – Подытожил Петрович.

– Не без этого! – Улыбнулся Мешков. – Всё началось когда-то с моей любви к фантастике. А закончилось должно-стью главврача в психушке, отвечаю я теперь за них, лечить их надо...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.